

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЯЗАННОСТЬ ЗАЩИЩАТЬ» БРИКС В ПОИСКАХ КОНСЕНСУСА*

ВАЛЕРИЙ КОНЫШЕВ
АЛЕКСАНДР СЕРГУНИН

Санкт–Петербургский государственный университет, Санкт–Петербург, Россия

Резюме

Дискуссии о кризисе миротворчества – важная часть более широкого обсуждения вопросов о путях и способах реформирования ООН. Новый этап в эволюции миротворчества связан с появлением концепции «обязанность защищать», которая получила широкое признание. В то же время она вызывает неоднозначные оценки, поскольку проблема пропорционального и легитимного применения военной силы осталась нерешённой. На практике это привело к политизации концепции и использованию её для прикрытия иных политических целей заинтересованных государств.

Несмотря на широкое признание многих недостатков организационного, институционального и концептуального характера, пока не удаётся достигнуть согласия по дальнейшим шагам в сторону реформ. Об этом говорит появление большого количества группировок государств–членов ООН вокруг того или иного проблемного поля. Одним из таких международных форумов может стать объединение БРИКС, члены которого проявляют значительный интерес к проблеме эффективности миротворчества. Для того чтобы понять перспективы сотрудничества России с партнёрами по БРИКС, в статье изучаются особенности позиций России, КНР, Индии, Бразилии и ЮАР по отношению к развиваемой в рамках ООН концепции «обязанность защищать».

В статье показано, что государства БРИКС имеют ряд общих позиций, которые включают в себя недопустимость вольного толкования резолюций Совета Безопасности ООН на стадии имплементации, необходимость разработки чётких критериев применения военной силы, актуальность создания механизмов для мониторинга миротворческих операций, более активное вовлечение региональных организаций в миротворчество ООН. В то же время между ними сохраняются и различия в трактовке «обязанности защищать», связанные с особенностями их политической истории и культуры, спецификой региональных интересов и внутривнутриполитическими факторами. Таким образом, внутри БРИКС существует платформа для сотрудничества и координации действий. При этом наиболее активную и последовательную позицию в отношении концепции «обязанность защищать» занимают Россия и Китай.

Ключевые слова:

ООН; обязанность защищать; БРИКС; международное сотрудничество; реформа миротворчества; вмешательство во внутренние дела.

* Основная часть публикации, в которой рассматривается позиция отдельных государств в отношении проблем миротворчества ООН, подготовлена в ходе поддержанного РНФ проекта (№ 16–18–10315). Изучение совместной политики стран БРИКС на площадке ООН проводилось в рамках НИР СПбГУ (проект 17.37.226.2016).

Проблема неэффективности миротворческой деятельности ООН поднималась неоднократно как практиками, так и представителями академической общественности [Заемский 2009, Никитин 2016]. В очередной раз она была затронута в докладе Независимой группы высокого уровня по миротворческим операциям, опубликованном в 2015 году. В нём указывалось, что проводимые организацией миссии не отвечают особенностям современных конфликтов. Более того, увеличивается разрыв между тем, что требуется от миротворцев, и их практическими возможностями. В то же время современная международная обстановка характеризуется существенным потенциалом зарождения новых конфликтов¹.

Авторы доклада выносят четыре основные рекомендации по планированию и проведению миротворческих операций:

(1) В основе планирования и последующего развёртывания сил должны лежать политические решения, и политическую составляющую урегулирования необходимо постоянно акцентировать. Формулирование мандата сил ООН требует выработки более реалистичных, беспристрастных стратегий и консультаций с заинтересованными сторонами и участниками.

(2) Необходимо каждый раз адаптировать весь наработанный набор миротворческих инструментов к конкретным условиям конфликта, учитывая его специфику как на ранних стадиях оценки ситуации и планирования, так и на этапе дальнейшего руководства миссией. Следует учитывать, что многие конфликты имеют транснациональные корни и последствия.

(3) Нужно развивать более предметное взаимодействие ООН с различными участниками миротворческого процесса: региональными организациями, негосударственными субъектами, странами, выделяющими воинские и полицейские контингенты.

Требуется повысить быстроту развёртывания сил в ответ на кризисы, контролировать негативные последствия осуществления операций и учитывать восприятие действий ООН местным населением.

(4) Для повышения результативности миссий секретариат ООН должен в большей мере ориентироваться в своей работе на ситуацию в местах проведения операций, а персонал миссий на местах обязан прилагать больше усилий для защиты людей. Это требует проведения изменений в центральных управляющих структурах².

По существу, в приведённых рекомендациях речь идёт о комплексе мер институционального, концептуального и практико-политического характера, которые требуют согласования сначала между членами Совета Безопасности ООН, а затем и всеми государствами—членами организации. Между тем даже на уровне центрального органа, ответственного за международную безопасность, всё чаще наблюдается обратный процесс — раскол даже по более узким вопросам, таким как мандат конкретной миротворческой миссии. Например, Россия и КНР настаивали на том, что действия коалиционных сил в Ливии (2011) вышли за пределы допустимых мер в соответствии с резолюцией 1973 ООН [Ходынская-Голенищева 2017: 163]. Эта критика подготовила почву для блокирования принятия аналогичных резолюций по Сирии. В итоге ООН не удалось предпринять конструктивных действий для урегулирования сирийского кризиса и предотвращения массовых жертв среди гражданского населения.

Доктринальной основой подходов ООН к миротворчеству в последние годы стала концепция «обязанность защищать» (ОЗ), впервые прошедшая апробацию в ходе ливийского кризиса (2011). Она отражает тенденцию эволюции миротворчества, которая выражается в расширении сфер де-

¹ United Nations General Assembly and Security Council. Report of the High-level Panel on Peace Operations, UN Documents. A/70/95-s/2015/446, 17 June 2015. P. 10, 24. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/446

² United Nations General Assembly and Security Council. Report of the High-level Panel on Peace Operations, UN Documents. A/70/95-s/2015/446, 17 June 2015. — P.30–32. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/446

тельности, от защиты окружающей среды до защиты прав человека. Последняя задача становится всё более важной в деятельности ООН в целом и в миротворчестве в частности. Концепция «обязанность защищать» была сформулирована на Всемирном саммите ООН 2005 года³, а позднее была развита в докладе Генерального секретаря ООН в 2009 году⁴ и ряде других документов. До сих пор «обязанность защищать» вызывает серьёзные разногласия в связи с тем, что её формулировки оставляют возможность различного толкования как в части списка гуманитарных проблем, так и с точки зрения обоснования внешнего вмешательства, включая его военно-силовую форму.

Суть концепции сводится к тому, что государству меняется в обязанность не допускать массовых жертв среди своих граждан, а если оно не в состоянии этого сделать и не обращается (не хочет обращаться) за внешней помощью, то постулируется право международного сообщества на вмешательство, включая военно-силовое. Для того чтобы обойти проблему суверенитета, в концепции предлагается *считать внешнюю ответственность государства за недопущение гуманитарных проблем частью суверенитета этого же самого государства*. Фактически это означает попытку создать легитимные основания для нарушения суверенитета. Западные страны активно отстаивают концепцию «обязанность защищать» в стенах ООН, поскольку очевидно, что счета будут предъявляться остальному, то есть незападному, миру. Не случайно многие государства рассматривают её как западно-либеральный проект, обеспечивающий интересы «золотого миллиарда», а не защиту людей от насилия [Конышев, Кубышкин, Сергунин 2015: 53–66].

Тем не менее «обязанность защищать» постепенно входит в политическую практику, а размытость концепции порождает риски произвольной трактовки целей и задач миротворческих операций. При этом как число конфликтов, так и масштабы сопутствующих жертв гражданского населения в мире растут: по данным ООН, только с 2005 по 2018 г. число гражданских жертв в конфликтах возросло в 10 раз⁵.

Поиски консенсуса в ООН нередко происходят в рамках формальных и неформальных коалиций государств, представляющих собой форумы для согласования различающихся подходов и политических инициатив. Одним из подобных форумов выступает БРИКС, объединяющий Бразилию, Индию, Китай, Россию и ЮАР. В пользу этого тезиса говорит тот факт, что страны объединения вносят заметный практический вклад в миротворческую деятельность ООН: Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, Индия занимает 4-е место по вкладу в реализацию миротворческих миссий ООН⁶, Индия, ЮАР и Бразилия играют видную роль в миротворчестве на региональном уровне. В рамках ООН представители стран БРИКС вошли в состав Независимой группы высокого уровня по миротворческим операциям (2014).

Целью настоящей статьи стала оценка коллективного потенциала БРИКС в сфере миротворчества. Авторы статьи ставят своей задачей изучение общего и особенного в позиции отдельных стран–участниц этого клуба в отношении реализации на практике концепции «обязанность защищать». В работе последовательно рассмотрена специфика подходов России, Китая, Индии, Бразилии и Южной Африки, а после этого

³ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml

⁴ Выполнение обязанности защищать. Доклад Генерального секретаря. 12 января 2009 г. A/63/677 URL: <http://responsibilitytoprotect.org/2009%20Russian.pdf>

⁵ Responsibility to protect: from early warning to early action Report of the Secretary-General. A/72/884-S/2018/525.– P.3/15. URL: <http://www.un.org/en/genocideprevention/documents/1808811E.pdf>

⁶ UN. Troop and police contributors. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors>

проведён анализ опыта их координации по вопросам, связанным с обсуждением вызовов международной безопасности на площадке ООН.

1

В исторической ретроспективе Россия вносила существенный вклад в становление и кодификацию законов и обычаев ведения войны на принципах гуманности. Выдающийся русский юрист и дипломат Ф.Ф. Мартенс заложил многие нормы международного права, защищающие гражданское население в условиях вооружённого конфликта, которые получили развитие в Гаагских (1907) и Женевских конвенциях (1949, 1977)⁷, а затем и в деятельности ООН.

В настоящее время проблемы миротворчества крайне актуальны для России, поскольку они связаны с обеспечением внутренней стабильности, безопасностью в государствах ближайшего окружения, а также с ситуацией в других стратегически важных регионах мира. В частности, с середины 2017 г. при участии Москвы стала активно обсуждаться возможность развёртывания миротворческой операции в конфликте на Юго-Востоке Украины. Между тем динамика её взаимодействия с ООН по линии миротворчества в последние годы показывает тенденцию к снижению: если в марте 2015 г. Россия занимала 77-е место по совокупному вкладу в миротворчество ООН [Исаенко 2015], то в мае 2018-го она опустилась на 86-е⁸.

Позиция России по концепции «обязанность защищать» обусловлена несколькими обстоятельствами. В первую очередь, в политических и дипломатических кругах

господствует критическая, а порой просто негативная оценка миротворческой деятельности ООН. Низкая эффективность связывается с несовершенством правил и механизмов осуществления операций, а также особенностями современных конфликтов, когда одной из сторон ставка делается на терроризирование населения для достижения политических целей [Семенюк 2016]. Введение в оборот концепции «обязанность защищать» не помогло разрешить накопившиеся проблемы, как показал кризис 2011 г. в Ливии. Западные державы интерпретировали мандат ООН как разрешение на осуществление бомбардировок территории, хотя резолюцией Совета Безопасности предусматривалось лишь установление бесполётной зоны⁹.

Официально Москва не выступает напрямую против принципа «обязанность защищать», занимая выжидательную позицию либо выражая скептическое отношение [Котляр 2012]. Российская дипломатия избегает прямых ссылок на концепцию в текстах резолюций ООН. Объясняется это тем, что концепция используется вопреки «духу и букве» Устава организации, потому что в ней отдаётся предпочтение интервенции над предупредительными мерами, нарушается суверенитет государств, а сила используется без крайней необходимости. В этой позиции России западные эксперты видят и проявление более широкой стратегии: стремление противостоять западно-либеральным подходам и ценностям в мировой политике [Kurowska 2014: 490].

Между тем продолжение использования концепции «обязанность защищать» в практике миротворчества ООН в перспек-

⁷ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>; Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 августа 1949 года. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm>; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооружённых конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>

⁸ UN Peacekeeping. Troops and Police contributors. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors>

⁹ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года. S/RES/1973 (2011). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement>

тиве может привести к появлению нормы обычного права путём накопления прецедентов. В результате многие российские эксперты и политики высказываются за реформирование как миротворчества в целом, так и выдвинутой концепции. В противном случае будет нарастать политизация концепции «обязанность защищать», когда в отдельных конфликтах (таких, как ситуация на Украине, в Ливии или Сирии) Россия и Запад будут выбирать между защитой суверенитета и правами человека, исходя исключительно из прагматической целесообразности [Лукиянов 2014].

К особенностям российской политики в области миротворчества следует отнести и некоторые расхождения с принципом безусловного примата ООН в обеспечении международной безопасности. В частности, Россия проводит миротворческие операции на постсоветском пространстве без участия организации – через решения в рамках СНГ, либо опираясь на двусторонние соглашения. С одной стороны, это затрудняет координацию действий с ООН, а с другой – создает почву для политизации миротворческих миссий, как это происходит в Приднестровье, для последующего выдавливания российских миротворцев [Гетманчук, Чуря 2014: 14].

2

Линия КНР в вопросах миротворчества во многом определяется особенностями системы принятия внешнеполитических решений и политической культурой этой страны. Наибольшим влиянием пользуются министерство иностранных дел и верхушка политического руководства страны, но в последние годы внутри Китая обостряется политическая борьба внутри Компартии и между отдельными региональными элитами по многим вопросам внешней политики [Кобзева 2017]. Этим обусловлена двойственность как официальных, так и экспертных оценок в отношении концепции «обязанность защищать».

Китайская дипломатия всякий раз оговаривает недопустимость военных интервенций под предлогом решения гумани-

тарных проблем. В то же время Пекин заинтересован в укреплении взаимопонимания с Западом на фоне своих возрастающих внешнеполитических амбиций. Китай пока не наработал достаточного внешнеполитического опыта и старается по возможности избегать конфликтных ситуаций. В этой связи КНР признаёт значимость защиты прав человека и считает её приоритетным направлением деятельности ООН, но при этом подчёркивает, что его собственная политика в этом вопросе основана на приоритете национальных интересов [Liu, Zang 2014: 406]. К другим базовым принципам, которые касаются имплементации «обязанности защищать», по мнению Китая, следует отнести признание ведущей роли Совета Безопасности ООН, уважение суверенитета других государств, стремление минимизировать силовой фактор в международной политике.

В академических дискуссиях относительно концепции ОЗ можно выделить скептическую, умеренную и оптимистическую точки зрения. Выразители последней считают, что «обязанность защищать» постепенно становится нормой обычного права. Вместе с тем в китайском дискурсе преобладают сторонники более сдержанного подхода, которые подчёркивают, что в концепцию необходимо вводить ограничения. Например, необходимо получать согласие государства для проведения операции, проводимой по гуманитарным соображениям, а на практике добиваться четкого соблюдения зафиксированных в концепции случаев, подпадающих под определение кризисной ситуации. Скептики относятся к ней негативно, считая «обязанность защищать» инструментом, используемым Западом для обоснования собственных интересов, а не для защиты гуманитарных прав гражданского населения из других стран [Liu, Zhang 2014: 410–411].

При обсуждении практики осуществления концепции «обязанность защищать» китайские эксперты, со ссылкой на официальную позицию МИД КНР, призывают учитывать негативный опыт политики ООН в отношении Ливии (2011) и Сирии

(2013), когда позиция этих государств по внешнему военному вмешательству не принималась во внимание. С учётом того, что основной гарантией от возникновения гуманитарных кризисов, по мнению Пекина, выступает стабильное государство, главным инструментом в имплементации концепции должна быть социально-экономическая помощь. Военные интервенции лишь чрезвычайное средство Совета Безопасности ООН, которое нужно использовать крайне осторожно¹⁰.

По итогам операции в Ливии в официальных кругах и экспертном сообществе Китая возобладали оценки, что западная коалиция во главе с США нарушила мандат СБ ООН согласно резолюции 1973, а военная интервенция сопровождалась жертвами гражданского населения и только усилила гуманитарный кризис. Запад стремился не защитить гражданское население, а сместить режим М. Каддафи [Kozyrev 2016: 334].

З

Бразилия традиционно исходит из того, что применение силы в разрешении конфликтов должно быть крайним средством, и скептически оценивает тенденцию к усилению военного вмешательства под эгидой ООН. Эти настроения только закрепились по итогам военных операций западных государств в Сомали, Руанде, Косове и Ираке. На этом фоне практика применения «обязанности защищать» расценивалась как пережиток колониальных отношений и проявление западной гегемонии, а не новый этап миротворчества. С точки зрения бразильских экспертов, военные интервенции западных государств неоднократно доказывали, что США и их союзники склонны к практике односторонних действий без оглядки на решения Совета

Безопасности ООН, что дестабилизирует международную систему [Wheeler, Morris 2006].

Начиная с 2004 г. Бразилия начала практически участвовать в осуществлении миротворческих операций, направив свой контингент на Гаити. Новый этап был обозначен переходом от политики невмешательства к *принципу безразличия*. Последний был впервые сформулирован Африканским союзом и сводился к легитимизации внешнего вмешательства в случае острых гуманитарных проблем и поступления просьбы о помощи¹¹. Эксперты оценивали смену подхода как попытку президента Лулы да Силвы найти компромисс между невмешательством в дела других государств, с одной стороны, и стремлением активизировать региональную политику Бразилии — с другой [Stuenkel, Tourinho 2014: 385].

Участвуя в дебатах Всемирного саммита 2005 года, Бразилия выступала за девестернизацию концепции «обязанность защищать», то есть изменение её формулировок таким образом, чтобы избежать двусмысленных трактовок и создать практический механизм реализации в виде институтов многостороннего сотрудничества. Путь к легитимизации принципа виделся бразильскому руководству в том, чтобы интерпретировать его через понятие коллективной безопасности, пользуясь параграфами 138–139 итогового заявления саммита¹².

Бразилия вместе с другими странами Латинской Америки настаивали на том, что главным содержанием «обязанности защищать» должны стать не меры военного насилия, а превентивная дипломатия. Если всё же необходимо силовое принуждение, то оно должно быть пропорциональным и проводиться только с санкции Совета Безопасности ООН, в которой признаётся

¹⁰ Position Paper of the People's Republic of China at the 63rd Session of the United Nations General Assembly 16 September 2008. URL: http://www.china-un.org/eng/zt/63ga_premier_wjb/t512988.htm

¹¹ Constitutive Act of the African Union. P.7. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/32020-file-constitutiveact_en.pdf

¹² 2005 World Summit Outcome. UN Document A/60/L.1. 15 September, 2005. P. 31. URL: [http://responsibilitytoprotect.org/world%20summit%20outcome%20doc%2005\(1\).pdf](http://responsibilitytoprotect.org/world%20summit%20outcome%20doc%2005(1).pdf)

существование угрозы международному миру и безопасности (главы 6 и 7 Устава организации)¹³. Этот принцип получил название «ответственность при защите/в процессе защиты» (responsibility while protect) как ответ на попытки политизации концепции «обязанность защищать» западными державами.

Тем не менее инициативы Бразилии не нашли поддержки на Западе: ряд экспертов посчитали, что они размывают достигнутое на Всемирном саммите 2005 г. широкое признание нового принципа. В итоге, не желая ухудшения отношений с развитыми странами, Бразилия быстро отказалась от активного лоббирования своих предложений [Stuenkel, Tourinho 2014: 394]. По-видимому, сказались и внутривнутриполитические проблемы, которые накопились в стране и способствовали общему снижению её внешнеполитической активности.

4

Специфика позиции Индии в отношении «обязанности защищать» связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, на фоне снижения интереса к Движению неприсоединения, которое произошло после окончания «холодной войны», интересы Индии сместились к укреплению регионального лидерства и региональной безопасности. Во-вторых, опыт колониального прошлого закрепил в политической культуре страны высокую значимость принципов суверенитета и невмешательства, которые в своё время составляли основу идей неприсоединения и мирного сосуществования¹⁴.

В то же время применительно к собственному региону Южной Азии Дели интерпретировал политику невмешательства в свете требований к внешним игрокам, но не самой Индии. Он считал вполне допустимым использование военных интервенций как инструмента своей политики.

В частности, Индия в 1971 г. совершила вторжение в Восточный Пакистан под предлогом защиты населения от геноцида в ходе гражданской войны. Тем не менее Генеральная Ассамблея ООН потребовала немедленного вывода войск [Как 2012]. По причинам гуманитарного характера в 1987 г. началась военная интервенция Дели на Шри-Ланке против организации «Тигры освобождения Тамил-Илама». Такая политика вызвала рост негативного отношения к Индии со стороны местного населения и нанесла ущерб её влиянию в регионе [Jaganathan, Gerrit 2014: 466].

К моменту появления концепции «обязанность защищать» на площадке ООН позиция Индии состояла в том, что гуманитарные интервенции нарушали суверенитет, а применению силы отводилась ограниченная роль. В этой связи Индия расценивала опыт военного вмешательства Запада в Африке и на Балканах в 1990-х годах негативно, а операцию НАТО в Косове характеризовала как нарушение мандата ООН, заняв солидарную с Россией позицию [Jaganathan, Gerrit 2014: 468]. Сдержанная позиция Дели в отношении выдвинутой концепции могла диктоваться и нежеланием привлекать излишнее внимание к этноконфессиональным и гуманитарным проблемам на собственной территории, в том числе в штате Джамму и Кашмир. В то же время осторожность в отношении к «обязанности защищать» сочетается с активным участием Индии в миротворческих операциях. Как уже отмечалось, в общем рейтинге государств ООН по числу направленных для участия в операциях миротворцев Индия находится в числе лидеров, занимая 4-е место¹⁵.

Подход Дели в отношении концепции «обязанность защищать» сменился с откровенно скептического на более амбивалентный на фоне внутривнутриполитической борьбы.

¹³ Annex to the letter dated 9 November 2011 from the Permanent Representative of Brazil to the United Nations addressed to the Secretary-General. UN Document A/66/551-S/2011/701. P. 2. URL: http://www.globalr2p.org/media/files/concept-paper-_rwp.pdf

¹⁴ Panchsheel. URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/191_panchsheel.pdf

¹⁵ Troops and police contributors. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors>

На рубеже XXI века влияние традиционно доминирующей политической силы – Индийского национального конгресса – пережило спад, и партия ушла в оппозицию. Влияние было восстановлено на выборах 2009 г. в рамках пришедшего к власти Объединённого прогрессивного альянса, который потеснил левые партии. Такой расклад сил способствовал большему сближению с Соединёнными Штатами во внешней политике, а заодно и более гибкой позиции по принципу «обязанность защищать». Постоянный представитель Индии в ООН прямо поддержал идею пересмотра суверенитета за счёт включения в него внешней ответственности государства перед мировым сообществом¹⁶.

Тем не менее в 2011 г. при принятии резолюции 1973 по Ливии Индия вместе с Бразилией воздержалась от голосования в духе бразильской доктрины «ответственность при защите», подчеркнув необходимость политического урегулирования, а не силовых акций¹⁷. Отчасти эта позиция отражала внутривнутриполитические мотивы – стремление избежать ухудшения отношений с мусульманской общиной в самой Индии, но также стала воплощением традиционного подхода Дели, отстаивающего недопустимость политики вооружённых интервенций [Jaganathan, Gerrit 2014: 475]. Впоследствии индийское руководство заявляло, что в Ливии под прикрытием возвышенной риторики о защите гражданского населения Запад нарушил мандат ООН и фактически путём насилия устранил режим Муаммара Каддафи. Основной вывод из ливийских событий, на который указывал Дели, – необходимость повышения ответственности при внешнем вмешательстве¹⁸. В дальнейшем – при обсуждении

резолюций по Сирии – Индия также настаивала на том, что любые принудительные действия должны предприниматься только под контролем и по решению ООН.

Колебания Индии в отношении концепции «обязанность защищать» связаны с разнонаправленным влиянием факторов различной природы: колониальное прошлое, идеалы Движения неприсоединения, острые внутривнутриполитические проблемы гуманитарного характера, неустойчивость парламентских коалиций, стремление усилить свой авторитет в мировой политике. Что касается принципа ненасилия, который со времён М. Ганди был официальной внутри- и внешнеполитической доктриной страны, то он не особенно соблюдается внутри самой Индии, если обратиться, например, к её политике в штате Джамму и Кашмир, где сильны настроения сепаратизма.

Отмеченная непоследовательность проявляется и во внешнеполитическом курсе Индии в целом. С середины 2000-х годов наблюдался тренд к укреплению сотрудничества с США по многим стратегическим направлениям. При этом Индия пытается утвердиться как влиятельный игрок с собственным видением проблем мировой политики. В то же время она внимательно следит, как её политику воспринимают другие государства, и старается соответствовать ожиданиям. Отсюда превалярование в её внешнеполитической линии осторожности и, скорее, реагирования, чем упреждения или инициативы в международных делах.

5

Позиция ЮАР в отношении концепции «обязанность защищать» определяется как историей этого государства, так и особен-

¹⁶ Statement Ambassador Hardeep Singh Puri Permanent Representative of India to the United Nations at the General Assembly Plenary Meeting on Implementing the Responsibility to Protect. July 24, 2009. URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/India_ENG.pdf

¹⁷ Statement by Ambassador Manjeev Singh Puri, Acting Permanent Representative, in the Security Council Open Debate on Protection of Civilians on May 10, 2011. URL: <https://pminewyork.org/pdf/uploadpdf/26927ind1857.pdf>

¹⁸ Statement Ambassador Hardeep Singh Puri Permanent Representative of India to the United. An informal interactive dialogue on the report of the Secretary General on Responsibility to Protect: timely and decisive action. URL: <http://www.globalr2p.org/media/files/india-statement-2012.pdf>

ностями её современных отношений со странами Запада. Претория традиционно претендовала на место лидера Африки, который имеет право вмешиваться в дела соседних государств. Кроме того, ЮАР пытается выставить себя посредником между континентом и развитым миром.

На практике положение Южной Африки гораздо сложнее. Отношения с Западом складывались противоречиво. В годы «холодной войны» Претория подвергалась критике за апартеид и одновременно выступала опорой в борьбе с распространением «коммунистической угрозы» как внутри страны в лице Африканского национального конгресса (АНК), так и в соседних странах. Руководство ЮАР и во время, и после окончания «холодной войны» считало, что Запад проводит политику двойных стандартов по отношению к ней [Verhoeven, Murthy 2014: 514–516]. Отношения Претории с соседями серьёзно ухудшились после вмешательства в дела Нигерии, Конго и Лесото [Bischoff 2003].

ЮАР стремилась осуществлять деятельность по разрешению гуманитарных проблем через институционализированные форматы по линии Африканского союза – органа, воплощающего региональную солидарность. В содержательном плане её политика основана на принципе небезразличия (non-indifference)¹⁹, который был провозглашён в ответ на провалы западных держав в предупреждении и прекращении нападений на мирное население в Руанде, Конго и Судане. Официальный представитель Претории в ООН обвинил Совет Безопасности в «апатии и безразличии» [Verhoeven, Murthy 2014: 518]. В этих условиях в 2003 г. специальному органу Африканского союза, Совету мира и безопасности, были даны полномочия санкционировать военные операции для того, чтобы разрешать острые гуманитарные кризисы. Поддержав это решение, Претория фактически обосновала panaфриканское право на вооружённые интервенции.

Согласно такой позиции, если операции всё же планируются под эгидой ООН, то следует опираться прежде всего на региональные организации, а вмешательство нерегиональных государств нежелательно [Landsberg 2015: 43–45].

В ЮАР сложилось неоднозначное отношение к концепции «обязанность защищать». С одной стороны, Претория, исходя из принципа небезразличия к преступной политике авторитарных государств, склонна придерживаться её западно-либерального прочтения, предполагающего внешнее вмешательство в случае гуманитарных проблем внутри государства. Привлекательность западно-либерального тезиса «суверенитет как ответственность» эксперты объясняют последствиями апартеида, когда дискриминация была закреплена на уровне институтов государства [Mabera, Dunne 2013: 8], и тогда внешнее насилие против них рассматривается как оправданное. С другой стороны, часть экспертов остаётся на позициях политического реализма и признаёт важность суверенитета государства перед лицом вмешательства Запада. Концепция «обязанность защищать», по их мнению, не должна допускать манипуляций со стороны постоянных членов Совета Безопасности ООН. Государство само должно защищать своих граждан, а внутренние проблемы не могут использоваться как повод для внешнего вмешательства [Mabera, Dunne 2013: 3]. Кроме того, в ЮАР представлена и радикальная, panaфриканская точка зрения, которая особенно популярна в АНК и сводится к тому, что Претория должна продолжать бороться против американского варианта глобальной безопасности и западной гегемонии [Verhoeven, Murthy 2014: 523–525]. Собственный исторический и политический опыт позволяет стране сохранять особую интерпретацию концепции «обязанность защищать» и претендовать на право военного вмешательства по прин-

¹⁹ Constitutive Act of the African Union. – P.7. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/32020-file-constitutiveact_en.pdf

ципу «африканские решения для африканских проблем» [Kumalo 2011: 34–38].

Б

С момента появления концепция «обязанность защищать» не вызвала серьёзной критики со стороны ЮАР, Индии и Бразилии, которые поддерживали закрепление ответственности государства на его территории за безопасность граждан и возможность оказания внешней помощи государству в осуществлении этих функций. Со своей стороны Россия и КНР не блокировали обсуждения и возражали в основном против попыток практического воплощения вводимого принципа для обоснования проведения силовых операций ввиду непрояснённости того, что значит ответственность международного сообщества в виде «своевременных и решительных действий».

Первое солидарное выступление по проблеме имплементации концепции «обязанность защищать» стран БРИКС имело место в контексте обсуждения резолюции Совета Безопасности ООН 1973 по ливийскому кризису, принятой 18 марта 2011 года. Однако их единство едва ли можно считать полным и последовательным. Если Бразилия, Индия, Россия и Китай воздержались от одобрения документа, хотя и не попытались его заблокировать, то ЮАР его поддержала.

Интрига состояла в том, что в резолюции относительно допустимых действий для защиты гражданского населения от наступления правительственных сил была введена фраза «все необходимые меры». Прямой санкции на вооружённую интервенцию текст не содержал, но на практике США неоднократно использовали схожие формулировки как эквивалент одобрения проведения силовых акций. Кроме того, концепция «обязанность защищать» оставляет лазейку для военной интервенции без явной санкции ООН. Это связано с тем, что в Уставе ООН чёткой международно-правовой регламентации по реагированию на гуманитарные кризисы нет.

Западные страны использовали эту возможность для осуществления смены правящего режима в стране, даже несмотря на то, что в резолюции сделано уточнение: принять все меры, «исключая иностранные оккупационные войска в любой форме и на любой части ливийской территории»²⁰. Между тем все страны БРИКС были согласны, что военная интервенция должна быть крайним средством, но текст резолюции не устанавливал чётких критериев для перехода к военно-силовому принуждению. Таким образом, интерпретировать текст резолюции можно двояко с учётом политических прецедентов и неоднозначности формулировок.

В этой ситуации все государства БРИКС согласились, что текст резолюции не содержит механизма мониторинга ситуации в Ливии и не позволяет проконтролировать как необходимость, так и сами меры военного принуждения. При этом Россия и Китай не планировали использовать «вето» для блокирования резолюции, но рассчитывали, что солидарное голосование стран БРИКС, группы, объединяющей крупнейшие быстроразвивающиеся экономики и влиятельные в геополитическом отношении государства, станет сильным политическим сигналом. Тем не менее в последний момент перед голосованием ЮАР изменила позицию в пользу резолюции, сославшись на то, что другие члены Африканского союза (Нигерия и Габон) высказались в её поддержку. В итоге Претория заняла двойственную позицию, объяснив её необходимостью представительства голоса своего региона [Higashi 2013: 86–87].

В случае резолюций по Сирии опыт западной интервенции в Ливии побудил страны БРИКС занять более решительную и консолидированную позицию. В том числе более критичный подход в отношении концепции «обязанность защищать» продемонстрировала и ЮАР. Россия и КНР 4 октября 2011 г. наложили вето на попытки ввести экономические санкции против

²⁰ UN Resolution 1973. URL: <https://www.un.org/press/en/2011/sc10200.doc.htm#Resolution>

режима Башара Асада. Другие члены БРИКС воздержались при голосовании. По мнению экспертов, сдержанная позиция Бразилии, Индии и ЮАР была продиктована нежеланием, с одной стороны, входить в конфликт с жёсткой позицией Москвы и Пекина, а с другой – в прямую конфронтацию с ведущими странами Запада [Higashi 2013: 88].

В то же время три страны БРИКС, не являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН, продемонстрировали особую позицию, когда 24 ноября 2012 г. Лига арабских стран внесла инициативу с требованием к сирийскому лидеру Башару Асаду оставить власть и прекратить вооружённую борьбу с оппозицией. В то время как КНР и Россия вновь наложили вето на проект резолюции, их партнёры Индия и ЮАР поддержали его (Бразилия в тот момент не входила в СБ ООН), указывая на рост жертв гражданского населения в Сирии. Такая позиция была связана с готовностью трактовать принцип «обязанность защищать» в духе понимания суверенитета как внешней ответственности государства. Она, в частности, обусловлена опытом Африки, которая в течение 1970-х – 1990-х годов в случаях массовых жертв в Уганде, ЦАР и затем в Руанде сталкивалась с «апатией или равнодушием» великих держав, с одной стороны, и беспомощностью Организации африканского единства – с другой. Нерешительность и ослабление исключительных полномочий ООН по использованию силы воспринимаются как повод для возвращения великих держав к неокOLONиализму и практике интервенций в страны «третьего мира» [Rothman, Kurtz 2014: 363].

Таким образом, участники БРИКС, относящие себя к «глобальному Югу» (Индия, Бразилия, ЮАР), могут пойти на компромисс по ревизии принципа суверенитета, но только в случае укрепления авторитета и

контроля со стороны ООН, чтобы надёжно блокировать произвол западных держав. Иные позиции заняли Россия и Китай. Для Москвы нерушимость суверенитета остаётся важнейшим принципом ООН, а поддержка Асада имеет ещё и геополитическое измерение, позволяя закрепиться в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. КНР не заинтересована в создании прецедента по внешнему вмешательству под флагом гуманитарных проблем, проводя довольно жёсткую политику в борьбе с сепаратизмом в Тибете и Синьцзяне.

Несмотря на возникшие разногласия, тенденция на сближение концептуальных позиций стран БРИКС по вопросам международной безопасности сохранялась. Она нашла отражение в Декларации пятого саммита объединения 27 марта 2013 г. В документе подчёркивалось, что конфликт в Сирии должен быть урегулирован на основе уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности этого государства²¹. В итоговых документах встреч лидеров БРИКС также поддерживаются усилия России по примирению сторон и указывается, что недопустима политизация гуманитарных проблем и гуманитарной помощи в Сирии, а миротворчество становится одним из направлений дальнейшего диалога на площадке БРИКС²².

Развитие сирийского кризиса и попытки западных государств повторить ливийский сценарий по линии ООН привели к дальнейшей консолидации позиций «восходящих» держав (emerging powers), как часто называют эти страны в англоязычной литературе. Его основные параметры получили отражение в совместном коммюнике БРИКС от 12 апреля 2017 года. В соответствии с ним участники объединения признают, что Совет Безопасности ООН остаётся важнейшим органом, несущим ответственность за поддержание мира и стабильности, а военные интервенции, кото-

²¹ BRICS and Africa: Partnership for Development, Integration and Industrialization. Durban, 27 March 2013. P. 7. URL: <http://brics2016.gov.in/upload/files/document/5763be1c4da6e5th1.pdf>

²² VII BRICS Summit Ufa Declaration. Ufa, the Russian Federation, 9 July 2015. URL: https://www.brics2017.org/English/Documents/Summit/201701/t20170125_1409.html

рые не санкционированы этим органом, не соответствуют Уставу организации и потому неприемлемы. Страны БРИКС также указали на то, что незаконные действия западной коалиции в Ливии привели к коллапсу государственных институтов и росту активности террористических и экстремистских групп. По их мнению, сирийский конфликт требует политико-дипломатического решения при ведущей роли местных, а не внешних сил. БРИКС обязался не только оказывать гуманитарную помощь, но и участвовать в восстановлении Сирии²³.

Важным ограничением, которое ослабляет сотрудничество стран объединения в том числе в области миротворчества, остаётся их неравный статус в ООН. В этом плане Россия и Китай поддерживают стремление ЮАР, Индии и Бразилии играть более весомую роль в организации, в том числе получить более высокий статус в Совете Безопасности²⁴. В значительной степени признанию «восходящих» держав в качестве ответственных участников международной системы способствует их активное участие в миротворческих миссиях.

Практическое взаимодействие стран БРИКС в проведении миротворческих операций под эгидой ООН также требует значительных усилий по координации. Потребность в ней обусловлена и тем, что эти государства участвуют в финансировании и обеспечении миротворческих операций в различных формах и в различной степени. Например, Индия занимает 3-е место в рейтинге из 114 государств по количеству военных, предоставляемых для таких миссий. Другие члены БРИКС тоже предоставляют многочисленные военные контингенты ООН, существенно опережая по этому показателю такие государства, как США, Франция и ФРГ. Между тем участие России остаётся весьма скромным,

Таблица 1
Направление миротворцев странами БРИКС
(по данным ООН на 2017)

Страна	Военные	Всего
Индия	6275	7049
Китай	2417	2654
ЮАР	1335	1430
Бразилия	1234	1288
Россия	0	91

Источник: *Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post*. URL: http://www.un.org/en/peace-keeping/contributors/2017/aug17_1.pdf

причём она направляет для участия в миротворческих операциях организации лишь гражданский персонал (Табл. 1). В целом же страны БРИКС обеспечивают около 13% гражданского и военного состава, задействованного в миссиях.

Государства БРИКС также проводят различную политику относительно географического размещения сил, предоставляемых ООН. ЮАР и Бразилия сосредоточены на немногочисленных миссиях на своих континентах, Индия имеет более широкий фокус, а Китай задействован в операциях практически по всему миру. Россия, участвуя в миссиях в различных регионах, всё же основное внимание уделяет миротворческим операциям на постсоветском пространстве под эгидой не ООН, а ОДКБ и СНГ [Коньшев 2016].

Получить представление о финансовом вкладе в миротворчество позволяет индекс ООН, учитывающий объём предоставленных средств с учётом статуса государства в ООН, долю ВВП в расчёте на душу населения и ряд других параметров. Этот инструмент (меняется от 0 до 100) за счёт выравнивающих коэффициентов показывает «удельный вес в общее дело» с учётом не абсолютных цифр, а с поправкой на возможности конкретного государства (Табл. 2). Тем не менее показатель США в индексе

²³ Joint Communiqué on the Meeting of BRICS Special Envoys on Middle East, Visakhapatnam, April 12, 2017. URL: http://www.mid.ru/en/web/guest/briks/-/asset_publisher/Rd1YjVvdPAwg/content/id/2725737

²⁴ Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года). URL: <http://kremlin.ru/supplement/907/print>

Таблица 2

Кoeffициенты эффективности вклада стран БРИКС в проведение миротворческих операций ООН

Страна	2016	2017	2018
Китай	10,28	10,24	10,21
Россия	4,00	3,99	3,98
Бразилия	0,76	0,76	0,76
Индия	0,14	0,14	0,14
ЮАР	0,07	0,07	0,07

Источник: *Implementation of General Assembly resolutions 55/235 and 55/236. 19 august 2015. A/70/331. Annex III. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/331/Add.1*

составляет около 28, то есть превышает долю БРИКС в целом, Франции – 6,2, Германии – 6,3, Великобритании – 5,7. Таким образом, из числа «восходящих» держав крупнейшие развитые стран по вкладу в миротворчество опережает лишь Китай.

* * *

В позициях стран–участниц БРИКС в отношении «обязанности защищать» сохраняется ряд общих элементов, которые состоят в стремлении к укреплению роли Совета Безопасности ООН, недопустимости вольного толкования его резолюций на стадии имплементации, необходимости разработки и согласования четких критериев применения военной силы, которая должна использоваться лишь в крайнем случае. Государства едины в том, что нужно создать механизмы мониторинга миротворческих операций, проводимых по гуманитарным соображениям, и вовлекать региональные организации в миротворчество. Все это создает базу для согласованной политики по реформированию ООН.

Однако существуют и заметные различия. Россия и Китай относятся к концепции «обязанность защищать» достаточно скептически. Подчёркивая фундаментальное значение категории государственного суверенитета, они видят в указанной концепции источник возможной эрозии международного права и политической дестабилизации. Индия занимает пассивную

позицию в дебатах по концепции, несмотря на критичное отношение к практике её применения. Позиция Бразилии выглядит более умеренной. Вместе с тем она нацелена на поиски путей для превращения принципа «обязанность защищать» в международно-правовую норму. Отношение Южной Африки к «обязанности защищать» имеет амбивалентный характер: соглашаясь с нормативной природой концепции, Претория вместе с тем протестует против практики её применения западными державами. При этом ЮАР отстаивает панафриканское видение принципа «обязанность защищать», предполагающее право самой этой страны на осуществление военных интервенций в своём регионе.

Можно ожидать, что локомотивами реформирования миротворческой деятельности ООН останутся Россия и Китай, однако позиции других участников БРИКС имеют тенденцию к сближению с ними на фоне обострения проблем вокруг концепции «обязанность защищать» и миротворчества в целом. Солидарная позиция в рамках БРИКС способствовала бы повышению влияния ЮАР, Индии и Бразилии в рамках ООН. Что касается Претории, которая тесно увязывает проблемы защиты прав человека с социально-экономическим развитием, то как раз БРИКС и может оказаться донором для получения ею необходимой помощи.

Дополнительные сложности в диалоге о проблемах содержания и имплементации концепции «обязанность защищать» вносит нарастание противоречий между наиболее влиятельными государствами–членами ООН, и, прежде всего, это касается ухудшения отношений России и Запада. Такая тенденция не просто затрудняет реформирование миротворчества, но в перспективе снижает дееспособность крупнейшей универсальной организации. На этом фоне более активная деятельность БРИКС способна придать позитивную динамику как делу поддержания мира, так и преодолению кризисных явлений внутри ООН.

Список литературы

- Гетманчук А., Чуря К., Литра Л. Реформа миротворческой миссии в Приднестровье: предпосылка для урегулирования конфликта. Киев: Institute of World Policy, 2014. 31 с.
- Заемский В.Ф. Современные проблемы миротворческой деятельности ООН // Полис. 2009. №2. С. 130–138.
- Исаенко А.И. Военная доктрина России и миротворческая деятельность // Независимое военное обозрение. 2015. 29 мая. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-05-29/8_doctrina.html
- Кобзева М.А. Си Цзиньпин, его ближний круг и личный стиль политического руководства // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 1. С. 147–159.
- Коньшев В.Н. Проблемы взаимодействия Российской Федерации и Организации Объединённых Наций в области миротворчества // Политэкс. 2016. Т. 12. № 3. С. 69–82.
- Коньшев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин А.А. Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 26. С. 53–66.
- Котляр В.С. «Ответственность при защите» и «арабская весна» // Международная жизнь. 2012. №9. С. 99–114.
- Лукьянов Ф. Перестройка–2014 // Газета.ru. 16.03.2014. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5952017.shtml>
- Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. №3. С. 16–26.
- Семенов А.В. Миротворческая программа ООН «ответственность защищать»: опыт реализации в Ливии и Сирии // Международные отношения. 2016. №3. С. 267–271.
- Ходынская–Голенищева М.С. Работа Совета Безопасности ООН по сирийскому кризису в условиях трансформации системы международных отношений // Вестник МГИМО–Университета. 2017. №6(57). С. 161–173.
- Bischoff P. External and Domestic Sources of Foreign Policy Ambiguity: South African Foreign Policy and the Projection of Pluralist Middle Power // *Politikon*. 2003. Vol. 30, No.1, 183–201.
- Jaganathan M., Gerrit G. Singing the tune of sovereignty? India and the responsibility to protect // *Conflict, Security & Development*. 2014. Vol.14, No. 4. P. 461–486.
- Higashi D. Battle at the UN Security Council on peace enforcement in Libya and Syria: focusing on the strategies of BRICS // *An Occasional Supplement to Journal of global studies*. 2013. P. 83–94. URL: http://global-studies.doshisha.ac.jp/attach/page/GLOBAL_STUDIES-PAGE-JA-10/80279/file/OS2013_5.pdf
- Kak K. India's Grand Strategy for the 1971 war // *CLAWS Journal*. Summer 2012. P.88–101. URL: http://www.claws.in/images/journals_doc/1394790936Kapil%20Kak%20%20CJ%20Sumner%202012.pdf
- Kozyrev V. Harmonizing «Responsibility to protect»: China's vision of a post-sovereign world // *International relations*. 2016. Vol.30. No.3. P. 328–345.
- Kumalo D. A Legacy of the UN and Africa // *Developing Dialogue*. 2011. No. 57. P. 34–38.
- Kurowska X. Multipolarity as resistance to liberal norms: Russia's position on responsibility to protect // *Conflict, Security & Development*. 2014. Vol.14. No. 4. P. 489–508.
- Landsberg C. Multilateralism and the UN in South Africa's foreign policy // *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*. 2015. Vol.4. No. 8. P.43–57.
- Liu T., Zhang H. Debates in China about the responsibility to protect as a developing international norm: a general assessment // *Conflict, Security & development*. 2014. Vol.14. No. 4. P. 403–427.
- Mabera F., Dunne T. South Africa and Responsibility to Protect. AP R2P Briefs. 2013. Vol.3. No. 6. 11 p. URL: <https://r2pasiapacific.org/filething/get/1053/South%20Africa%20and%20R2P%20Ideas%20in%20Brief.pdf>
- Rothman Ph., Kurtz G., Brockmeier S. Major powers and the contested evolution of a responsibility to protect // *Conflict, Security & Development*. 2014. Vol.14. №4. P. 355–377.
- Stuenkel O., Tourinho M. Regulating intervention: Brazil and the responsibility to protect // *Conflict, Security & Development*. 2014. Vol.14. No. 4. P. 379–402.
- Verhoeven H., Murthy C., Soares de Oliveira R. «Our identity is our currency»: South Africa, the responsibility to protect and the logic of African intervention // *Conflict, Security & Development*. 2014. Vol.14. No. 4. P. 509–534.
- Wheeler N., Morris J. Justifying Iraq as a humanitarian Intervention: the cure is worse than the disease // *Iraq crisis and world order: structural and normative challenges* / Ed. by W.P.S. Sidhu and Ramesh Thakur. Tokyo: United Nations University Press, 2006. P. 444–465.

BRICS RESPONSES TO A RESPONSIBILITY TO PROTECT CONCEPT *THE SEARCH FOR CONSENSUS?*

VALERY KONYSHEV
ALEXANDER SERGUNIN

St. Petersburg State University, St. Petersburg 191060, Russia

Abstract

Discussions about the crisis of peacemaking are an important part of a broader discussion of ways and means of reforming the UN. A new stage in the evolution of peacekeeping is associated with the developing of the concept of "responsibility to protect," which has been widely recognized by world community. At the same time, the concept provokes ambiguous assessments, since the problem of proportional and legitimate use of military force has not been resolved. In practice one can observe the politicization of the concept resulting in the use of the concept as umbrella to hide other political goals of the states concerned. However, despite the general recognition of many organizational, institutional and conceptual shortcomings, it has not yet been possible to agree on further steps towards reform. This is confirmed by the emergence of a large number of groups consisting of UN member states who involved in discussions around the peacekeeping. Such an international forum could be the BRICS, whose members show considerable interest in the problem of the effectiveness of peacekeeping. In order to understand the prospects for Russia's cooperation with BRICS partners, the positions of Russia, China, India, Brazil and South Africa regarding to the concept of "responsibility to protect" developed within the UN framework are being studied.

The article shows that the BRICS states share a number of provisions that include to prevent of a voluntary interpretation of the UN Security Council resolutions at the implementation stage, to develop clear criteria for the use of military force, to establish mechanisms for peacekeeping operations monitoring, to involve regional organizations in UN peacekeeping more actively. At the same time, there are differences between the BRICS states when they interpret the "responsibility to protect". This can be explained by specifics features of their political history and culture, particular regional interests and variety of domestic political factors. Thus, within BRICS there is a platform for cooperation and coordination of activities in UN. At the same time, Russia and China demonstrate the most leading and consistent position with regard to the concept of "responsibility to protect".

Keywords:

UN; responsibility to protect; BRICS; international cooperation; peacekeeping; Libyan crisis; Syrian conflict.

References

- Bischoff P. (2003). External and Domestic Sources of Foreign Policy Ambiguity: South African Foreign Policy and the Projection of Pluralist Middle Power. *Politikon*. 2003. Vol.30, No.1, 183–201.
- Getmanchuk A., Churya K., Litra K. (2014). *Reforma mirotvorcheskoy missii v Pridnestroviye: predposylka dlya uregulirovaniya* [Reform of Peacekeeping Mission in Pridnestroviye: Prerequisite for Conflict Resolution]. Kiev: Institute of World Policy. 31 P.
- Higashi D. (2013). Battle at the UN Security Council on peace enforcement in Libya and Syria: focusing on the strategies of BRICS. In: *An Occasional Supplement to Journal of global studies*. URL: http://global-studies.doshisha.ac.jp/attach/page/GLOBAL_STUDIES-PAGE-JA-10/80279/file/OS2013_5.pdf (accessed 01.10.2017):83–94.
- Hodynskaya–Golenischeva M. (2017) Rabota Soveta bezopasnosti OON po siriyskomu krizisu v usloviyah transformatsii sistemy mezhdunarodnyh ontosheniy [UN Security council activity on Syrian crisis under condition of international relation transformation] // *Vestnik MGIMO–Universiteta*. No.6(57). P. 161–173.

- Isaenko A. (2015) Voennaya doktrina Rissii b miritvorcheskaya deyatelnost' [Military doctrine of Russia and peacekeeping]. *Nezavisimoye voennoye obozreniye*. 2015, 29 May. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-05-29/8_doctrina.htmlJaganathan M., Gerrit G. (2014). Singing the tune of sovereignty? India and the responsibility to protect. *Conflict, Security & Development*. Vol.14. No. 4. P. 461–486.
- Kak K. (2012) India's Grand Strategy for the 1971 war. *CLAWS Journal*. Summer 2012. P.88–101. URL: http://www.claws.in/images/journals_doc/1394790936Kapil%20Kak%20%20CJ%20Sumer%202012.pdf
- Kobzeva M.A. (2017). Si Tszin'pin, ego blizniy krug I lichniy stil' rukovodstva [Xi Jinping, His Near Circle, and Personal Style of Leadership]. *Vestnik Diplomaticeskoy Akademii MID Rossii*. Rossiya I Mir. No. 1. P. 147–159.
- Konyshv V.N. (2016). Problemy vzaimodeistviya Rossiiskoy Federatsii I Organizatsii Ob'edinennykh natsiy v oblasti mirotvorchestva [Problems of Interactions between Russian Federation and United Nations in the Field of Peacekeeping]. *Politeks*. Vol.12. No. 3. P. 69–82.
- Konyshv V.N., Kubyshekin A.I., Sergunin A.A. (2015). Zashchita grazhdanskogo naseleniya v mirotvorcheskoy deyatelnosti OON: problem i perspektivy [Protection of civilians in UN peacekeeping operations: problems and perspectives]. *Natsional'niye interesy: priority i bezopasnost'*. No. 26. P. 53–66.
- Kotlyar V. (2012) «Otvetsstvennost' pri zaschite» i «arabskaya vesna» [Responsibility to protect and Arab spring] *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No.9. P.99–114.
- Kozyrev V. (2016) Harmonizing «Responsibility to protect»: China's vision of a post-sovereign world. *International Relations*. Vol.30. No.3. P.328–345.Kumalo D. (2011). A Legacy of the UN and Africa. *Developing Dialogue*. No. 57. P. 34–38.
- Kurowska X. (2014). Multipolarity as resistance to liberal norms: Russia's position on responsibility to protect. *Conflict, Security & Development*. Vol.14. No. 4. P. 489–508.
- Landsberg C. (2015). Multilateralism and the UN in South Africa's foreign policy. *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*. Vol.4. No. 8. P. 43–57.
- Liu T., Zhang H. (2014). Debates in China about the responsibility to protect as a developing international norm: a general assessment. *Conflict, Security & Development*. Vol.14. No. 4. P. 403–427.
- Lukyanov F. (2014). Perestroyka–2014 [Perestroyka–2014]. *Gazeta.ru*. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5952017.shtml>
- Mabera F., Dunne T. (2013). South Africa and Responsibility to Protect. *AP R2P Briefs*. Vol.3, No. 6. 11 p. URL: <https://r2pasiapacific.org/filething/get/1053/South%20Africa%20and%20R2P%20Ideas%20in%20Brief.pdf>
- Nikitin A. (2016) Mirotvorchestvo OON: obnoveniye printsipov, reformirovaniye praktiki [UN peacekeeping: modernization of principles, reforming of practices]. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodniye otnosheniya*. Vol. 60. No3. P.16–26.
- Rothman Ph., Kurtz G., Brockmeier S. (2014). Major powers and the contested evolution of a responsibility to protect. *Conflict, Security & Development*. Vol.14. No. 4. P. 355–377.
- Semenyuk A. (2016) Mirotvorcheskaya programma OON "otvetstvennost' zaschischat": opyr realizatsii v Livii i Sirii [Peacekeeping UN Program Responsibility to Protect: Record in Lybia and Syria]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. No3. P.267–271.
- Stuenkel O., Tourinho M. (2014). Regulating intervention: Brazil and the responsibility to protect. *Conflict, Security & Development*. Vol.14. No. 4. P. 379–402.
- Verhoeven H., Murthy C., Soares de Olivera R. (2014). «Our identity is our currency»: South Africa, the responsibility to protect and the logic of African intervention. *Conflict, Security & Development*. Vol.14. No. 4. P. 509–534.
- Wheeler N., Morris J. (2006). Justifying Iraq as a humanitarian Intervention: the cure is worse than the disease. In Sidhu W.P.S., Thakur R. (eds) *Iraq crisis and world order: structural and normative challenges*. Tokyo: United Nations University Press. P. 444–465.
- Zayomskiy V. (2009) Sovremenniye problemy mirotvorcheskoy deyatelnosti OON [Modern problems of UN peacekeeping]. *Polis*. No. 2. P.130–138.